

УДК 821.162.4

**ЛИТЕРАТУРА КАК ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ
(ТЕМА 1968 ГОДА В СЛОВАЦКОЙ ПРОЗЕ)****Л. Ф. Широкова**

В статье рассматривается отражение темы событий 1968 года в словацкой литературе конца XX – начала XXI веков. Показана история появления этой темы года на страницах словацкой художественной литературы: от самых ранних откликов, относящихся к 1968–1969 годам, до произведений более позднего периода, увидевшие свет лишь после 1989 года. Среди них и стихи, и публицистические выступления писателей, появлявшиеся в словацкой и зарубежной печати, в самиздате. В настоящее время тема 1968 года нашла широкое отражение в разных жанрах словацкой литературы, в первую очередь это воспоминания современников и участников событий, а также политические триллеры и психологические романы. В этих произведениях присутствуют эпизоды, мотивы, сцены событий 1968 г., а также мемуары политических деятелей. В качестве первоисточника достоверных сведений автором статьи анализируется книга воспоминаний А. Дубчека «Надежда умирает последней». Показана модификация названной темы в романах современных словацких прозаиков. Среди наиболее приближенных к документальным источникам произведений, по мнению автора статьи, являются книги Й. Банаша «Зона энтузиазма» (2008) и «Остановите Дубчека!» (2009), написанные в жанре политического триллера и беллетризованной биографии. Эти произведения затрагивают проблему исторической памяти, забвения или почитания национальных героев как показателя нравственной зрелости и общества, и конкретного человека. Подробно анализируются объемные, многостраничные романы П. Ранкова и В. Климачека, а также семейная сага П. Криштуфека «Дом глухого» (2012). Исследование, проведенное автором статьи, наглядно демонстрирует, как в словацкой литературе сохранились переживания современников событий 1968 года, насколько правдиво в ней были запечатлены, несмотря на художественную образность, достоверные картины той эпохи, а также то, как расставлялись акценты в отражении темы в зависимости от реалий современности.

Ключевые слова: Словакия, история, художественная литература, жанры, документальность, психологизм.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Широкова Л. Ф. Литература как зеркало истории (тема 1968 года в словацкой прозе) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 180–190.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-180-190

Сведения о событиях 1968 года в Чехословакии содержатся в многочисленных публикациях документов, исследованиях историков, свидетельствах очевидцев. Однако еще одной важной составляющей, без которой картина не была бы целостной,

является художественное видение проходивших тогда процессов, а главное – человеческих судеб, отразившееся в литературных произведениях. По характеру, времени написания, жанру они весьма разнообразны. В их числе и самые ранние отклики, относящиеся к 1968–1969 годам. Это стихи и публицистические выступления писателей, появившиеся в словацкой и зарубежной печати, в самиздате, и произведения более позднего периода, увидевшие свет лишь после 1989 г., в которых присутствуют эпизоды, мотивы, сцены событий 1968 г., а также мемуары политических деятелей, в которых взгляд с временной перспективы часто сочетается с эмоциональностью очевидца исторических событий.

Открыто тема 1968 года смогла зазвучать в литературе только после «нежной революции» 1989 г., когда были сняты цензурные ограничения и восстановлена свобода слова. Однако нужно отметить, что сюжеты событий более чем двадцатилетней давности не привлекали тогда сколько-нибудь заметного внимания писателей, особенно молодого поколения, приходящих на смену старшим – их гораздо больше интересовали современные реалии девяностых. Важным источником знаний о замалчивавшихся страницах прошлого, в том числе, о событиях 1968 г., становится литература факта. Особый всплеск она переживала в 1990-е годы, когда авторы получили возможность открыто публиковать копившиеся годами впечатления и записи, подводить собственные итоги пережитого. Среди таких публикаций – а здесь встречаются и книги-эссе, и документальные свидетельства, и историко-культурные исследования – значительное место занимают мемуары. Для этого типа литературы, представляющего собой сплав документального и беллетристического, повествование от лица непосредственных участников исторических событий, наряду с его фактографической ценностью, важен и личностный аспект, раскрытие внутреннего мира автора. Особый интерес представляют воспоминания людей, активно участвовавших в политической, общественной жизни тех лет.

В массе публикаций – научных исследований, исторических документов и других свидетельств, касающихся процесса реформ чехословацкой «весны», августа 1968 г., а также его драматических и весьма долговременных последствий, художественная литература занимает особое место. Она представляет гуманистический, внутренний взгляд на события, передает психологическую глубину и эмоциональную напряженность связанных с ними переживаний, служит своего рода зеркалом, в котором отразились и запечатлелись достоверные при своей художественной образности картины эпохи.

Тема 1968 года отражена в разных жанрах словацкой литературы, прежде всего – прозы. Это и упомянутые воспоминания современников и участников событий (в том числе, книга воспоминаний А. Дубчека [3]), и эссе (публицистика В. Минача [7]), и мозаичная композиция, коллаж (поздние произведения Д. Таттарки), и политический триллер (книги Й. Банаша, Л. Юрика), и психологический роман (П. Ранков, В. Климачек и др.).

Литература с этой тематикой имеет свою историю развития. В 1970–1980-е годы по понятным причинам она не могла появиться в официальной печати, поэтому многие писатели на время замолчали или перешли к другим темам. В числе таких авторов был и Винцент Шикла (1936–2001), чей роман «Орнамент», написанный еще в 1969 г., не смог увидеть свет более 20 лет. Первоначальный вариант финала романа был опубликован лишь в 2008 г. в журнале «РАК» с комментарием вдовы писателя, литературоведа А. Благовой-Шикловой. В нем представлено

несколько эпизодов событий августа 1968 г. в восприятии героя романа, Матея Гоца. Писатель передает его ощущения горечи и недоумения при виде военной техники на улице родного города: «Один из танков опрокинул уличный фонарь, загородив проход. Я замер, глотая гарь и пыль, а рядом грохотали стальные гусеницы. Не помня себя, я бросился бежать, в глазах слезы, дым и отчаяние». Свой протест он пытается выразить лозунгами на стенах домов: «Мы писали известью: “Зачем вы к нам пришли?”», “Да здравствует Александр Дубчек!”». Гуманистический оптимизм, присущий творчеству В. Шикеры, выразился и в этих сценах; он увидел возможность человеческих контактов даже в такой напряженной ситуации: «Русский офицер увидел, что Матей Гоз держит в руках кисть с известью. Их взгляды встретились, и они понимающе кивнули друг другу» [9, с. 32].

После «нежной революции» в 1990-е годы на первый план вышли другие темы, отражались новые реалии социальных изменений, гротескные картины «дикого» капитализма (романы П. Пиштянека, В. Климачека). Был опубликован и ряд запрещенных ранее книг, и произведения ранее не публиковавшихся авторов.

И лишь в 2000-е годы стал заметен все возрастающий интерес писателей к событиям прошлого, к событиям словацкой истории XX века. В литературе разных жанров стала не только затрагиваться, но и подробно отражаться, в том числе, и тема 1968 года как исторического перелома, поворотной точки в судьбах людей. Многим из этих книг свойственна подчеркнутая документальность, выражаемая разными художественными средствами.

Среди наиболее приближенных к документальным источникам произведений – книги Йозефа Банаша (р. 1948) «Зона энтузиазма» (2008) и «Остановите Дубчека!» (2009), написанные в жанре политического триллера и беллетризованной биографии.

В предисловии ко второй книге автор пишет и о своей цели, и об источнике сведений, о прообразах своих героев: «Будучи политиком и писателем, я много общался с молодыми людьми. И часто испытывал при этом разочарование. О нашем недавнем прошлом они знали до обидного мало. И даже эти скудные знания они почерпнули из сочинений “носителей истины в последней инстанции”, которые взяли за мемуары после “нежной революции” 1989 года. Я стал думать, что с этим можно сделать. И вот на помощь мне пришел всеведущий подсказчик – сама Жизнь. Я написал историю» [2, с. 10].

В книге «Зона энтузиазма» 1968 год – точка отсчета и исторических перипетий, отраженных в особых вставках курсивом, и сюжетного времени, – жизни трех основных героев – персонажа с автобиографическими чертами Йозефа Балажа, советской девушки Александры и немца из Западной Германии Томаса Анкермана. Подчеркивая достоверность описываемого, автор высказывает в начале повествования благодарность, указывая на конкретных людей, которые предоставили ему материал, рассказали о своих личных историях. Это немец Томас Ангерман, беседы с которым послужили основой романа, Ольга и Михаил Обицкие из деревни Колодное, которые познакомили автора с бывшим военным Иваном Ивановичем Пауком, участвовавшим в 1968 г. в чехословацких событиях. Его рассказы помогли автору, по его словам, «заглянуть в душу советского солдата того времени» [1, с. 5].

Наряду с вымышленными или беллетризованными героями, в книге выступают и реально существовавшие лица – политические деятели, писатели, дипломаты. Эпизоды, где представлены исторические фигуры, также беллетризованы – автор

описывает не только их дела и поступки, но и мимику, детали поведения, проникает в их мысли, делая из них персонажей художественного произведения почти в той же мере, что и основные герои.

Две упомянутые книги Банаша во многом базируются на одном первоисточнике – на собственных мемуарах А. Дубчека, увидевших свет в 1993 г., уже после его безвременной кончины. Примечательна история написания этих воспоминаний. Дубчек, вернувшийся после «нежной революции» 1989 г. на руководящие государственные посты, находил время для бесед с журналистами, которые записывали его рассказы о родителях, о годах детства, проведенного в Советском Союзе, о начале его сознательной борьбы с догматиками и консерваторами за обновление общества, о планах и крушении «Пражской весны». Последним эпизодом в его воспоминаниях стала сцена многотысячного митинга в Праге в ноябре 1989 г., который восторженно приветствовал А. Дубчека и В. Гавела. Последующие события остались уже за рамками повествования. После смерти политика журналист и редактор И. Гохман собрал и отредактировал записанные материалы, обращаясь за уточнениями к историкам, а также к друзьям и близким А. Дубчека.

А. Дубчек – ключевая фигура словацкой политики и общественной жизни второй половины XX в., один из главных инициаторов реформаторского движения «Пражской весны» 1968 года. «Самый известный словак», «нравственный человек в политике», «символ надежды», как называли его современники, испытал на протяжении своей жизни драматические перипетии и виражи личной и политической судьбы. Не была однозначной и оценка роли Дубчека в общественно-политических процессах в Чехословакии 1950–1990-х годов. Представляется вполне логичным, что наряду с многочисленными историческими исследованиями, посвященными его деятельности, возникают и художественные произведения, основанные на материалах его биографии, чертах личности и характера.

Книга воспоминаний А. Дубчека богата по своему содержанию и широте охвата событий. Автор предоставляет разнообразный и редкий по аутентичности материал, касающийся истории страны, показывает суть противоборства партийных группировок и интересов, кадровых перестановок и судьбоносных решений. Важной представляется характерная для автора личная человеческая позиция, искренность и эмоциональность высказывания. Известный словацкий ученый-литературовед Я. Штевчек в одном из своих эссе назвал А. Дубчека «политиком сердца», обладающим «чувством правды и справедливости», «несокрушимой культурой нравственности». «Доброта и чистота сердца, – писал он, – вынесла Александра Дубчека из казематов партийной политики на солнечную улицу политических будней, к людям, равным ему, к народу» [10, с. 76–77]. Человечность, искренность собеседника (или противоположные качества) являются для Дубчека одним из главных критериев в обрисовке тех или иных фигур. Так, говоря о Г. Гусаке, он часто использует не политические характеристики, а эмоциональные эпитеты – «сухой», «бесчувственный», «расчетливый». Описывая свою принудительную депортацию в СССР и переговоры с членами Политбюро перед подписанием пресловутого «Московского протокола», Дубчек с искренним огорчением замечает бесцеремонность, высокомерие советских партийных руководителей. В ответ на свое открытое, почти доверительное выступление в защиту чехословацких реформ, попытку объяснить ошибочность и пагубность военного решения проблемы, он услышал резкую отповедь Брежнева, в которой «идеи и идеалы были отброшены куда-то на задворки»: «Брежнев

вскочил, лицо его побагровело, густые брови сдвинулись, и он начал на меня кричать». «Он разоблачил себя и все политбюро, – пишет Дубчек. – Это была кучка циничных и наглых бюрократов с феодальными взглядами, которые давно уже перестали служить чему бы то ни было, кроме собственных интересов» [3, с. 222].

В центре внимания автора постоянно оказываются гуманитарные аспекты, защита прав человека, свободы слова. За это он ратовал и в начале процесса преобразований: «Я знал, что необходима свободная печать, которая поможет открыть дорогу коренным политическим и экономическим реформам» [3, с. 149], и в трудных условиях первых месяцев после ввода войск: «На меня оказывали давление, чтобы я ввел не только жесткую цензуру, ... но и полный контроль над средствами массовой информации. Однако в этих вопросах я никогда не сдавался» [3, с. 231].

Автор приоткрывает перед читателем и многие стороны своей частной жизни, рассказывая о семье, о детстве и юности, проведенных в Советском Союзе, о перипетиях своей политической карьеры, о гонениях, слежке и других испытаниях, выпавших на его долю в пору «нормализации». Книга А. Дубчека – яркий и убедительный литературный документ эпохи, живой автопортрет автора – политика и человека.

Рассказ Дубчека о своей личной судьбе и об исторических событиях в Словакии, в ЧССР, в Европе, начиная с 1920-х годов – это в первую очередь мемуары политика. Поэтому именно политические процессы, противоборства, интриги находятся в центре интересов автора; даже представленные в книге эпизоды частной жизни Дубчека тесно связаны с определяющей фабулой его идейного становления. И если изначально «частное» преобладает в повествовании, когда он говорит об истории семьи, то затем на первый план выступают его размышления, наблюдения, воспоминания о партийной борьбе, пленумах и съездах, о политических противниках и соратниках. Однако и здесь ясно звучит авторский голос, высказывающий личное, выстраданное отношение к описываемым событиям и фактам.

Воспоминания Дубчека – это история испытаний, борьбы и разочарований, унаследованной от родителей, интернационалистов и энтузиастов, «чистой и полной вере в коммунизм», представлявший ему самому в годы юности вполне достижимым идеалом свободы и справедливости. «Ради более счастливой жизни человечества, – пишет он, – я был готов отдать свой разум, сердце и всю свою душу» [3, с. 66]. В книге этапы идейного прозрения, кристаллизации идеи «социализма с человеческим лицом» и трагического краха реформаторских усилий в ЧССР после 1968 г. прослеживаются на фоне событий жизни Дубчека.

Центральными – и композиционно, и по своему значению – становятся в книге события «Пражской весны». Дубчек рассказывает о своих стратегических и тактических действиях по созданию «штаба реформаторов», о выработке и принятии в апреле 1968 г. «Программы действий», предусматривающей демократизацию партии и общества, реформирование экономики, федерализацию государства и др. Огромных усилий по политическому маневрированию требовало от него и противодействие со стороны консерваторов, как внутренних, так и внешних. Дубчек подробно пишет о нарастающем и все более жестком давлении на себя и свою команду со стороны советского руководства и руководителей компартий стран социалистического лагеря.

Событиям, последовавшим за вводом 21 августа 1968 г. в Чехословакию войск пяти стран-участниц Варшавского договора, посвящены главы с красноречивыми названиями «Вторжение и похищение», «В Кремле», «Московский диктат». Примечательно, что большую часть повествования занимают размышления Дубчека

о политическом безрассудстве этого шага, о вероломстве, о нарушении норм морали, а также о своих личных переживаниях, то есть о нравственной стороне произошедшего. Скупое, немногословное, хотя и эмоциональное описание самих действий и поступков послужило затем фабулой для последующих, беллетризованных биографий А. Дубчека.

Поводом для написания книги «Остановите Дубчека!»¹, по словам ее автора, стало незнание молодыми словаками героев собственной истории. «Я верю, – пишет он, – что эта книга поможет им не забывать человека, который принес нам надежду» [2, с. 10]. Повествование в событийном плане основано на воспоминаниях А. Дубчека, однако в конце своего политического романа Й. Банаш, подчеркивая его документальную достоверность, приводит большой список использованной при его создании литературы. В числе этих источников перечислены и воспоминания В. Биляка, идеологического противника А. Дубчека, и эссе писателя и публициста В. Минача «Возвраты к переворотам», и научные сборники, посвященные А. Дубчеку и социально-политической проблематике Чехословакии второй половины XX века.

Автор использует в романе свой излюбленный композиционный прием – документальные или стилизованные под документальность вставки, выделенные в тексте курсивом и дающие информацию о ходе политических процессов, о выступлениях исторических деятелей и так далее. Так, например, описывается одно из знаковых событий кануна «Пражской весны»: *«С двадцать седьмого по двадцать восьмое июня 1967 г. в Праге проходил IV съезд Союза чехословацких писателей, который знаменовал собой невиданный дотоле диалог государственной власти с культурой и существенно ускорил подготовку процессов обновления в 1968 г.»* [2, с. 139].

Наряду с такого рода элементами, подчеркивающими историческую достоверность повествования, в романе Й. Банаша много и художественного вымысла, реконструкций и предположений. Дубчек выступает здесь как литературный герой с индивидуальными чертами, внутренними монологами, авторскими допущениями при воссоздании его внутреннего мира, сценами и диалогами не только с реально существовавшими лицами, но и с многочисленными вымышленными персонажами.

Банаш уделяет в своем романе большее, чем в воспоминаниях Дубчека, внимание сценам, в которых описываются арест и интернирование руководства КПЧ в Москву в августе 1968 г., напряженный ход переговоров лидеров «Пражской весны» с членами Политбюро КПСС. При этом он часто дословно воспроизводит отдельные фрагменты его мемуаров. Например, Дубчек так описывает свое состояние растерянности в ночь на 21 августа 1968 г.: «Я невольно посматривал на телефоны на своем рабочем столе, словно ожидая – вдруг кто-нибудь позвонит и скажет, что все это лишь большое недоразумение» [3, с. 195]. А так, уже от 3-го лица, показывает эту сцену Банаш: «Он смотрел на телефон, стоявший на столе, и ждал, когда тот зазвонит, и кто-то объяснит ему, что речь идет лишь о большом недоразумении» [2, с. 204].

Для книг Банаша характерна напряженность и динамизм действия, писатель часто использует гиперболу и гротеск, особенно в описании реалий советского застоя и чехословацкой нормализации с их дефицитом и засильем бюрократизма. В документальных сценах, выделяемых в тексте курсивом, автор тяготеет к фарсу,

¹ В названии книги автор использовал реальные или вымышленные цитаты из критических выступлений в адрес А. Дубчека высших партийных деятелей соцстран – В. Ульбрихта, Л. И. Брежнева и других.

даже политическому анекдоту. Документальность своего повествования он подчеркивает не только ссылками на реальных лиц, но и фотографиями, как в книге «Остановите Дубчека!», хронологической последовательностью повествования.

В одной из последних глав романа под названием «Загадка 88-го километра» Банаш детально описывает историю трагической автомобильной аварии, в которой Дубчек получил тяжелые травмы, приведшие вскоре к его смерти. Ключевым моментом, указывающим на возможные причины этой трагедии, представлена здесь пропавшая важная улика: «Чемоданчик, в котором Дубчек вез секретные документы и приглашение в Москву на заседание Конституционного суда, лежал на траве. Позднее следователи забрали чемоданчик – и с тех пор его никто не видел» [3, с. 348].

С загадки черного чемоданчика начинается еще одна книга, посвященная А. Дубчеку, – роман Любоша Юрика (р. 1947) «Год длиннее века» (2015)¹, который повествует о последних днях жизни политика, проведенных им на больничной койке. Написанный от первого лица, роман представляет собой длинный внутренний монолог героя, в котором фрагменты воспоминаний о прожитой жизни чередуются с рефлексией, попытками осмыслить, оправдать или осудить собственные поступки. Автор так передает состояние своего героя, а заодно и обозначает принципы построения сюжета романа: «Я то приходил в себя, то задремывал, то проваливался в забытие, а потом снова ощущал собственное тело и воспринимал все окружающее, понимал, что лежу в больнице после аварии, но тут же поток мыслей и образов уносил меня куда-то в прошлое» [4].

Л. Юрика, как и самого Дубчека в его мемуарах, интересуют прежде всего нравственные аспекты событий прошлого и настоящего, необходимость восстановить историческую и человеческую справедливость, детективная же завязка отходит на второй план.

«Где мой чемоданчик? – спросил я. – Маленький черный чемоданчик. – Главврач посмотрел на меня непонимающе. – У меня там были документы, – сказал я. – Важные документы...» [4]. Л. Юрик устами своего героя более подробно рассказывает о предполагаемом содержимом таинственного чемоданчика, о бумагах, с которыми политик собирался ехать в Москву на заседание Конституционного суда, а после возвращения – решать вопрос о судьбе единого государства чехов и словаков: «Меня пригласили, чтобы я дал показания по делу о запрете деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Кроме того, я хотел получить оригинал письма, послужившего одним из поводов для оккупации Чехословакии [4]. Еще у меня лежала там почти готовая речь, в которой я призывал депутатов Федерального собрания не допустить распада Чехословакии» [4].

Л. Юрик затронул в своем романе еще одну важную проблему – проблему исторической памяти, забвения или почитания национальных героев как показателя нравственной зрелости и общества, и конкретного человека. Эта проблема (упомянутая и в книге Й. Банаша) преломляется, в частности, в поколенческом споре, в неприятии или, точнее, непонимании молодыми ценностей их отцов. Тяжело больной Дубчек слышит разговор пожилого главврача и молоденькой медсестры: «Кто этот человек, господин главный врач? – промолвила вдруг сестричка, и в ее

¹ Книжному изданию предшествовала публикация романа в электронном виде на сайте газеты «Новое слово» («Rok dlhší ako storočie. Posledné dni Alexandra Dubčeka») (URL: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10). Цитаты приводятся по электронному изданию.

голосе я уловил нечто для себя неприятное. – Вы ни об одном пациенте так не заботитесь, как об этом. Он что, важнее других?» – Главврач с минуту молчал. «Сестра, вы не знаете, кто такой Александр Дубчек?» – спросил он, и в его голосе я услышал не только упрек, но и скрытое неодобрение, почти возмущение. «Что, какая-то шишка?» – Пауза была долгой. «Это легенда, – сказал главврач тихо. – Символ “Пражской весны”. Самый знаменитый словак! Надо бы вам это знать... Стыдитесь!» [4].

Собеседником, а часто и оппонентом Дубчека выступает в романе именно этот персонаж – главный врач больницы, чья судьба была искалечена событиями августа 1968 г. и времен «нормализации», когда ему, восторженному стороннику «Пражской весны», пришлось ради выживания пойти на сделку с собственной совестью. Так, предметом их острого спора стала отставка Дубчека с поста руководителя КПЧ: «Вы знали, что этим кончится? – спросил главврач, и в его голосе вновь зазвучал характерный для него сарказм, – Знали и вели себя так, будто собирались остаться еще на пару лет... Разве это не было наивно? – Не говорите мне о наивности, – ответил я раздраженно. – Хотя вы правы, я надеялся... вывести страну из кризиса. Ведь нас все еще многие поддерживали» [4].

Герою романа Л. Юрика при всей его принципиальности свойственны и сомнения, и ощущение личной ответственности за события: «Действительно, мне приписывали эти качества. Мечтатель, визионер, наивный политик... Я втянул в свои мечты миллионы людей. Сколько их потом было выброшено на задворки общества? Сколько судеб оказалось сломано?» [4].

Дискуссии такого рода представляют собой, разумеется, авторское допущение – реальное состояние здоровья А. Дубчека вряд ли позволяло их вести; тем не менее эти художественные приемы расширяют возможности характеристики героя. В целом же сопоставление его образа в трактовках романов Й. Банаша и Л. Юрика с автобиографическим героем книги «Надежда умирает последней» дает читателю возможность более объемно представить себе А. Дубчека не только как выдающуюся личность, но и как политика «с человеческим лицом», во многом опередившего свое время.

Объемные, многостраничные романы Павла Ранкова, Вильяма Климачека и др. затрагивают тему 1968 года в социально-психологическом плане.

П. Ранков, автор нескольких сборников рассказов, опубликовал в 2010 г. книгу «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)», жанр которой он обозначил как «исторический роман из времен с 1938 по 1968 год». По своей композиции это «роман в эпизодах»; главы, из которых он состоит, обозначены годами – от «Эпизода 1938» до «Эпизода 1968». В романе ненавязчиво и убедительно воссоздается живая картина самых драматических моментов словацкой – и не только словацкой – истории XX века.

На протяжении тридцати лет автор-повествователь «от третьего лица» прослеживает судьбы трех героев – чеха Яна, венгра Петера и еврея Габриэля, чья дружба зародилась еще в ранней юности в городке Левице, на этнически пестром южном пограничье Словакии. Документальные «кадры исторической хроники» XX века представлены как часть повседневной жизни героев. В каждом из эпизодов повествователь обрисовывает исторический момент, проецируя его на поступки и переживания каждого из друзей. Драматический, а то и трагический пафос запечатленных в романе событий «большой истории» часто снижается комизмом или гротеском конкретных ситуаций, в которых оказываются герои.

Сами общественно-политические события, смена правительств, государственных символов, вождей, политических лозунгов – показаны фрагментарно и, как правило, через эмоциональное восприятие героев – их очевидцев и участников. Документальные «кадры исторической хроники» XX века представлены как часть повседневной жизни героев. Так, Ян участвует в боевых действиях в Израиле 1948 г., а затем в событиях 1956 г. в Венгрии, журналист Петер активно включается в движение «Пражской весны» 1968 г. и становится автором знаменитого лозунга «социализм с человеческим лицом». В соответствующих по времени эпизодах в романе появляются и исторические персонажи, государственные деятели, политики – Хорти, Тисо, Гусак, Новотный, Дубчек, показанные часто в гротескном ключе, в анекдотических, бытовых сценках.

Героиня романа Мария вспоминает об эйфории начала 1968 года: «Полные ожидания, мы притрагивались к радиоприемникам и телевизорам, радостно раскупали газеты и говорили о новостях дома и на работе. Социализм снова стал для нас притягательным и интересным» [8, с. 316]. Но события августа разводят друзей по разным странам, они эмигрируют. По ходу сюжета происходит постоянное чередование главных героев – Яна, Петера и Габриэла; лишь в финальном «эпизоде» повествование ведется от лица Марии в форме ее внутреннего монолога. Она, единственная из дружной компании, не эмигрировала из Чехословакии после 1968 г. и теперь предается горьким размышлениям о «своих мальчишках» и «несбывшейся жизни» [8, с. 327].

Переломные моменты недавней словацкой истории стали сюжетной основой и для романа «Горячее лето 68» (2011) В. Климачека. Действие романа развивается последовательно, в отдельных эпизодах из жизни героев – детей и родителей трех близких друг другу семей; лишь некоторые обстоятельства проясняются экскурсами в их прошлое. В начале повествования представлены почти идиллические картины: любящие семьи, живописные улочки Братиславы, планы на будущее. Автор перемежает фабульную линию своими рассуждениями и оценками, так характеризуя, например, начало 1968 г.: «Страна из месяца в месяц менялась к лучшему, распахивались настежь окна. Ощувив внезапно избыток свежего воздуха, все ходили, словно пьяные. После серых десятилетий палитра жизни раскрасилась вдруг в целый спектр цветов» [5, с. 51–52]. Все это трагически обрывается в августе 1968 г. с приходом танков. Семьи разлучаются, и для тех, кто спешно эмигрировал за границу, начинается долгое «хождение по мукам», безработица, голод, ностальгия по дому и покинутым близким. Тех же, кто остался, ждет такой же долгий период несвободы и безвременья [5, с. 243].

События 1968 года отражены и в романе – семейной саге – Петера Криштуфька «Дом глухого» (2012), в которой на фоне бурных исторических перипетий с начала XX в. до наших дней прослеживаются судьбы и одного рода Трновских, и малого словацкого социума – условного провинциального городка Брежаны. Герой-рассказчик описывает внезапный приход танков в городок, сравнивая его со стихийным бедствием, ночным землетрясением. Он так рисует картину разрушения: «Колонна прошла по южной стороне парка, танки прокладывали себе путь, где придется. Они вывернули с корнем двухсотлетний могучий платан» [6, с. 384]. Последовавшие вслед за этим застойные годы «нормализации» заставили героев романа приспособиваться к «гибкому режиму» и унынию, когда «в этой духоте и безветрии оставалось только пить, бегать за женщинами, по выходным ремонтировать дачу и снова пить» [6, с. 406].

Литературе всегда свойственно возвращаться к событиям, темам, реалиям, которые стали поворотными, судьбоносными для страны и отдельного человека. 1968 год стал одним из важнейших рубежей в послевоенной истории Чехословакии в самых разных аспектах – в политическом, государственном, идеологическом, культурном. Поворотным пунктом оказался он и для словацкой литературы. В ряду известных «роковых восьмерок», знаменовавших собой поворотные исторические моменты (среди них – революционный 1848 г., образование первой Чехословацкой республики в 1918 г. и ее крушение в 1938 г, коммунистический переворот 1948 г.) 1968 г. занимает свое определенное место, а его значение выходит далеко за временные рамки ближайших к нему лет.

Отзвуки 1968 года сказались на последующем развитии страны, вплоть до «бархатной революции» 1989 г.; слышны они в Словакии и до сих пор. Если же обратиться от этой точки отсчета во времени назад, то становится очевидно, что происходившие тогда события имели и весьма глубокие исторические корни. События «Пражской весны» или, по А. Дубчеку, «чехо-словацкой весны» 1968 года явились, по сути, кульминацией общественно-политических процессов прошлых десятилетий, и далеко не последнюю роль в них играли деятели культуры и литературы.

Список литературы

1. Банаш Й. Зона энтузиазма. М.: МИК, 2016.
2. Banáš J. Zastavte Dubčeka! Bratislava, 2009.
3. Dubček A. Z pamäti. Nádej zomiera posledná. Bratislava, 1993.
4. Jurík Ľ. Rok dlhší ako storočie. URL: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10
5. Klímáček V. Horúce leto 68. Bratislava, 2011.
6. Krištúfek P. Dom hluchého. Bratislava, 2012.
7. Matejovič P. Vladimír Mináč a podoby literárneho diskurzu druhej polovice 20. storočia. Bratislava, 2013.
8. Rankov P. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava, 2010.
9. Šikula V. Ornament (Veterná ružica) // RAK. 2008. № 8.
10. Števček J. V pasci (politické úvahy). Bratislava, 1995.

Поступила 20.09.2017; принята к публикации 20.10.2017

Широкова Людмила Федоровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва, shirocco@mail.ru

LITERATURE AS A MIRROR OF HISTORY (THE THEME OF 1968 IN SLOVAK PROSE)

L. F. Shirokova

The reflection of the events of 1968 in the Slovak literature of the late XX-early XXI centuries is considered. The article shows the history of the appearance of this theme of the year on the pages of Slovak fiction: from the earliest responses relating to 1968–1969 years to the works of a later period, which were published only after 1989.

Among them poems and publicistic speeches of writers are, which appeared in the Slovak and foreign press, in samizdat. At present, the 1968 theme is widely reflected in different genres of Slovak literature, first of all it is the memoirs of contemporaries and participants of events, as well as political thrillers and psychological novels. In these works there are episodes, motives, scenes of events of 1968, as well as memoirs of politicians. As a primary source of reliable information, the author of the article analyses the memoirs of A. Dubček, "Hope dies last". The modification of the named theme in the novels of modern Slovak prose writers is shown. Among the closest to the documentary sources of works, according to the author of the article, books J. Banasa "Area of passion" (2008) and "Stop dubček!" (2009) are, written in genre of political thriller and fictionalized biography. These works touch on the problem of historical memory, oblivion or veneration of national heroes as an indicator of moral maturity and society, and a particular person. Analyzed voluminous, multi-page novels P. Rakova, V. Climatica and family Saga P. Kristufek "House of the deaf man" are (2012). The research carried out by the author of the article demonstrates how the Slovak literature preserved the experiences of contemporaries of the events of 1968, how truthfully it was depicted in spite of the artistic imagery authentic paintings of that era, as well as how the emphasis was placed in the reflection of the topic, depending on the realities of our time.

Keywords: Slovakia, history, fiction, genres, documentary, psychology.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Shirokova L. F. Literature as a mirror of history (the theme of 1968 in Slovak prose). West – East. 2017, no. 10, pp. 180–190. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-180-190

References

1. Banash I. Zona entuziazma [A zone of enthusiasm]. Moskow: MIK, 2016. (In Russ.).
2. Banáš J. Zastavte Dubčeka! [Stop Dubček!]. Bratislava, 2009. (In Slovak.).
3. Dubček A. Z pamäti. Nádej zomiera posledná [From Memory. Hope dies last]. Bratislava, 1993. (In Slovak.).
4. Jurík L. Rok dlhší ako storočie [A year longer than a century]. Available from: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10 (In Slovak.).
5. Klimáček V. Horúce leto 68 [Hot summer 68]. Bratislava, 2011. (In Slovak.).
6. Krištúfek P. Dom hluchého [House deaf]. Bratislava, 2012. (In Slovak.).
7. Matejovič P. Vladimír Mináč a podoby literárneho diskurzu druhej polovice 20. Storočia [Vladimír Mináč and the forms of literary discourse of the second half of the 20th century]. Bratislava, 2013. (In Slovak.).
8. Rankov P. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy) [It happened on 1st September (or sometime)]. Bratislava, 2010. (In Slovak.).
9. Šíkula V. Ornament (Veterná ružica) [Ornament (Wind rosette)]. RAK, 2008, no. 8. (In Slovak.).
10. Števček J. V pasci (politické úvahy) [In Trap (Political Considerations)]. Bratislava, 1995. (In Slovak.).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Liudmila F. Shirokova, Ph. D. (Philology), Senior Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, shirocco@mail.ru